

Незадолго до старта космического корабля «Союз-24» корреспондент «Литературной газеты» Анатолий Лепихов встретился с членами его экипажа космонавтами Виктором ГОРБАТКО и Юрием ГЛАЗКОВЫМ. Сегодня мы публикуем их беседу.

— Вскоре, когда весь мир узнает о запуске космического корабля «Союз-24», ваши фамилии станут неотделимы одна от другой. Как складывалось ваше содружество?

В. ГОРБАТКО. Когда два с половиной года назад я был назначен в группу, готовящуюся к полетам по программе «Салют», мне было дано право выбора бортинженера. Не задумываясь, я остановился на кандидатуре Юрия Глазкова. Мы с ним много работали вместе в Центре управления полетами, где, как правило, я был заместителем сменного руководителя полета, а он — главным оператором, то есть находился на связи с летавшими космонавтами.

Как мне кажется, наиболее ценные качества Юрия — это стремление быть полезным и желание самым лучшим образом делать то, ради чего он пришел в отряд космонавтов. Его диссертация, посвященная проблемам инженерной психологии, была очень высоко оценена специалистами. Юрия отличают огромная целеустремленность и прямо-таки фантастическая работоспособность.

Ю. ГЛАЗКОВ. В 1962 году после окончания военного училища я был направлен

На снимке: космонавты В. В. Горбатко и Ю. Н. Глазков во время телевизионного сеанса связи Фотохроника ТАСС

для прохождения службы в одну из частей Советской Армии.

Постепенно у меня начала созревать мысль: «А не попытаться ли и мне поступить в отряд космонавтов?» Я подал рапорт, получил «благословение» своего начальства и отправился на медицинскую комиссию. К своему удивлению, я прошел ее с первого раза и в 1965 году был зачислен в отряд слушателем. Через два года, после окончания обучения, я был назначен на штатную должность «космонавт».

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

ОКОНЧАНИЕ.
НАЧАЛО НА 1-й СТ.

— Не секрет, что сегодня еще космические полеты не совершаются с такой же частотой, как рейсы Аэрофлота, и космонавту приходится не один год ждать своего «звездного часа». Как проходили для вас годы ожидания, чем они были заполнены?

В. ГОРБАТКО. Семь лет после первого моего полета прошли очень быстро. Кроме космической подготовки, много времени у меня занимала общественная работа. Я возглавляю Общество советско-монгольской дружбы, являюсь председателем Федерации парашютного спорта СССР, членом редколлегии литературного сборника «Мужество». Вообще надо сказать, что после полета на лодке из космонавтов ложится нелегкий груз многих общественных обязанностей. Но мы, конечно, понимаем их необходимость и относимся к этому делу так же добросовестно, как и к своей основной работе.

Ю. ГЛАЗКОВ. Мне каждый из дней ожидания давал крупицу знаний и навыков, потребовавшихся сегодня. Прежде всего нас, инженеров, учили летать. Свои полеты мы с инструктором совершали на самолете «Л-29». Это учебно-тренировочный самолет, выпускаемый в СССР, который чрезвычайно удобен для пилотирования. Для нас он еще хорош и тем, что при выполнении фигур высшего пилотажа на нем можно достигать значительных перегрузок. А выработка умения работать при перегрузках — один из важнейших элементов нашей общефизической подготовки.

В нашей программе есть и парашютные прыжки. Кстати, первый раз я прыгнул с па-

рашютом именно здесь, в отряде космонавтов. Говорят, что запоминается первый прыжок, но для меня памятным оказался второй, с ручным раскрытием парашюта. Приземлился на снег — дело было зимой, дул ветерок, и меня тащило метров сто пятьдесят, пока я смог погасить купол. Причина была простой — плохо слушались замерзшие пальцы, так как я надел тонкие перчатки: хотелось быстрее дернуть за кольцо парашюта. С той поры я совершил более 75 прыжков, получил первый спортивный разряд и звание инструктора парашютно-десантных войск.

1969 году, незадолго до своего первого полета, мне опять не повезло — при парашютных прыжках сломал ногу. Но к полету я полностью восстановил свою форму. «Пришлось» даже стать чемпионом на наших соревнованиях по теннису.

Ю. ГЛАЗКОВ. Врач — один из контролеров «космического ОТК». Здоровье должно соответствовать определенным нормам, а если этого нет... будь здоров. Но существует и другой подход к здоровью космонавта — когда врач не ограничивается констатацией фактов, а всеми силами старается помочь тебе достичь необходимого

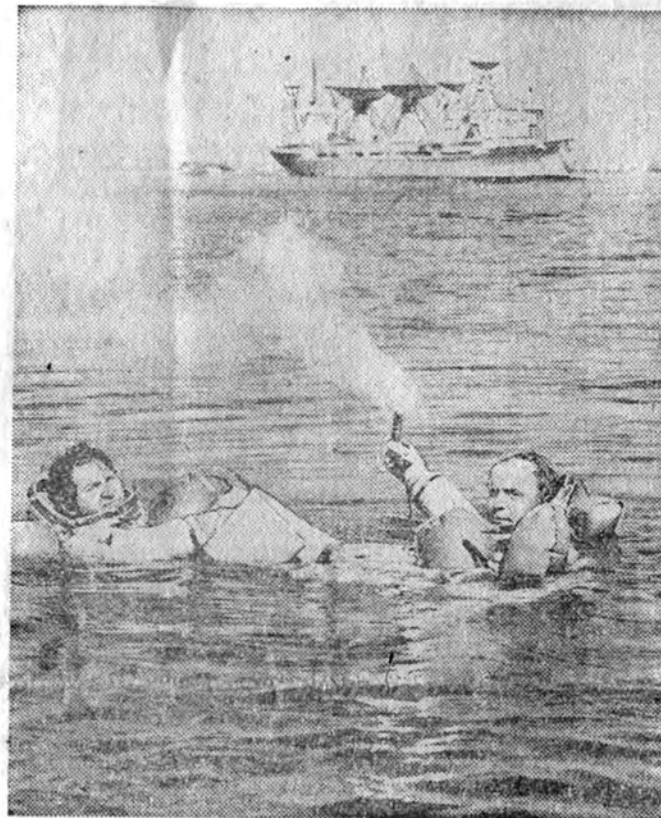
большом зале утрачивается причастность к происходящему на сцене.

Ю. ГЛАЗКОВ. У нас в семье все очень любят читать. Если говорить о какой-то одной, любимейшей моей книге, то я называю самое удивительное, на мой взгляд, произведение романтической литературы прошлого века — «Моби Дик». Нельзя не поражаться страсти и яростной энергии, с какой Г. Мелвилл описал ожесточенную схватку человека с природой, обнажил стальную волю людей и их неукротимое желание победить. Такой книгой нельзя не восхищаться. Раз в год я ее обязательно перечитываю.

члену экипажа предстоит испытание слабой после завершения полета. Как вы относитесь к тому ореолу, которым окружена сегодня профессия космонавта?

В. ГОРБАТКО. Престижность профессии космонавта определяется тем, что каждый полет — пока еще сложное, ответственное и, в общем-то, опасное дело. Но, конечно, рано или поздно профессия космонавта станет столь же обыденной, как сегодня профессия летчика...

Ю. ГЛАЗКОВ. «Время славы» каждый несет по-разному. Космонавты и после полета остаются такими же, какими были до него. Ведь сам полет ни ума, ни новых зна-

Командир космического корабля «Союз-24» В. В. Горбатко (справа) и бортинженер Ю. Н. Глазков во время тренировок на море
Фото А. ПУШКАРЕВА (Фотохроника ТАСС)

государств, а быть делом всех землян.

Ю. ГЛАЗКОВ. В космонавтике, я думаю, будут развиваться как системы автоматизированного изучения космического пространства, так и те, с помощью которых совершаются пилотируемые полеты. Чрезвычайно трудно, а может быть, и просто невозможно создать автомат, который полностью заменил бы человека. Возьмите, к приме-

О КОСМОСЕ И О СЕБЕ

Осваиваем мы в процессе подготовки и водолазное дело — в воде хорошо имитируются условия невесомости. И, конечно же, много времени уходит на теоретические дисциплины, на изучение технических устройств и научных приборов.

— Прежде чем сесть в кабину космического корабля, нужно получить «добро» многих специалистов, в том числе медиков. Легко ли вам было проходить медицинские комиссии?

В. ГОРБАТКО. Сейчас я, как вы понимаете, признан абсолютно здоровым, однако в 1965 году, когда мы с Евгением Хруновым тренировались по программе «Восход-2», будучи дублерами П. Беляева и А. Леонова, меня даже сняли с подготовки к космическому полету. Я оказался в госпитале. В

уровня физического состояния. К таким людям прежде всего относится руководитель нашей медицинской подготовки Аркадий Васильевич Еремин. Это очень эрудированный ученый и необычайно доброжелательный врач.

— Как говорится, не хлебом единым жив человек. И, наверное, не одной работой, даже такой необычной, как у вас. Чем вы занимаетесь в свободное время?

В. ГОРБАТКО. Прежде всего, читаю. Моя любимая литература — это книги о Великой Отечественной войне, о титаническом подвиге нашего народа, который спас мир от коричневой чумы. Слежу за мемуарами наших военачальников. Из театров предпочтению отдаю Художественному, но спектакли смотрю только в старом здании. В

Очень люблю научную фантастику. Фантастика привлекает меня тем, что она наполнена философскими размышлениями о жизни и может показать человека в совершенно необычных условиях.

Неожиданно одним из моих любимых занятий стала резьба по дереву. Получилось это так. Я был зачислен в отряд космонавтов, когда обязательным элементом подготовки была длительная «отсидка» в сурдокамере. Туда я захватил нож и небольшой кусочек дерева. И через какое-то время без всякой цели начал ковырять ножиком эту деревяшку. К моему искреннему удивлению, получилась фигурка. После этого я и увлекся резьбой всерьез.

— Один из вас уже побывал в космосе, и его имя известно всему миру. Другому

ний, ни новой культуры человеку не прибавляет. Он «проявляет» то, что уже было в человеке.

Сейчас в отряде космонавтов существует хороший обычай. После каждого полета все собираются, вернувшиеся из космоса рассказывают о том, как они работали, а мы даем оценку их работе.

— Каким вы видите будущее космонавтики и свое место в ней?

В. ГОРБАТКО. Я не буду оригинален, если скажу, что хотел бы еще не раз побывать в космосе. Кроме того, у меня есть мечта — побывать на Марсе. Но, конечно, такие экспедиции — длительные по срокам и очень дорогостоящие — должны осуществляться усилиями не одной какой-то страны или группы

грузки, чувствительность некоторых его органов чувств меньше, чем даже у современных автоматов. И потому одной из главных черт будущего развития космических систем станет, на мой взгляд, оптимальное сочетание лучших качеств человека и машины.

Если же говорить о полетах человека в дальний космос — об осуществлении этой вековой мечты землян, — то очевидно, что для этого нужно будет создать промежуточную монтажную орбиту, на которой будет собираться и испытываться огромный корабль. А это значит, что, помимо массы технических проблем, возникнет и чисто научная — проблема изучения деятельности человека в открытом космосе. Одному из аспектов этой проблемы и была посвящена моя кандидатская диссертация.

Мои планы на ближайшее будущее? После полета мне хотелось бы обратиться к педагогической деятельности. За годы пребывания в Центре подготовки у меня, естественно, сложились определенные представления о системе подготовки экипажей, о ее планировании и целенаправленности. Поэтому я мечтаю «провести» два-три будущих экипажа от начала подготовки до самого космического полета.

В жизни человека вереница повседневных дел должна вести к какому-то деянию, ради которого стоит трудиться долгие годы. Я бесконечно счастлив, что для меня наступил такой момент. Испытать аналогичное чувство — своего рода чувство полета — я хочу пожелать каждому советскому человеку.